

Ангел-то кто?

Неужели Хомутов, ни разу не навестивший мать, таскавший в кармане большие для тогдашнего времени деньги, решивший их отдать тому, кому нужнее всего.

Катастрофично, что деньги нужнее всего мающимся похмельем: мол, низина жизни выигрывает.

Но Вампилов выстраивал пьесы по законам высоты: в них звучал катарсис, отливал медью вечности, играл солнцем духа.

...ах, как страдают похмельем двое командировочных! Как известно всё и всем, долго живущим в России, как нудно и непонятно разворачивается дальнейшее.

Но пьеса динамично.

Более того, кажется, порой, что иные реплики пылают, призывая... к тотальному постижению жизни и банальности доброты.

Банальности, которая никогда не сотрётся.

...таёжный райцентр, местная чайная, героиня, влюблённая в следователя...

Будничность: та великая будничность, что и определяет жизнь; но такая она повседневность, что за ней необходимо обнаружить нечто высокое, световое, иначе – кранты.

Бездна пустоты затянет, рутина всё съест.

Шаманов не обращает внимания на Валентину, потом внезапно проявляет к ней интерес, обретая новый мир, как пьяница, выходящий из запоя...

...многие сцены Вампиловских пьес залиты алкоголем: национальный колорит?

Да нет, большее – острота, с которой души, спрятанные в кожаных мешках, воспринимают реальность, – острота такая, что только с алкоголем и можно жить...

Много налито в стаканы и в «Утиной охоте»...

...до которой не доехать, из которой не выбраться.

Точно...

Точно жизнь – своеобразная охота на собственную сущность, ибо поиска уже мало.

Плох ли Зилов, или слаб?

И то, и другое в нём смешано, да ещё и хорошего, тонкого добавлено: точно каждый человек: смесь в алхимическом сосуде судьбы, и ничего уж с этим не поделаешь...

Но кто определяет пропорции в сосуде?

А. Вампилов унёс тайну эту в глубину вод, а ведь кажется – знал ответ...

2

Ступени «Старшего сына»

«Мир в доме Сарафанова» – черновое название пьесы «Старший сын» – изменилось, в зависимости от обстоятельств, в которые попадали герои, ведомые автором, или?..

Сложно сказать, если речь о не заурядных произведениях литературы, кто является ведущим, а кто ведомым; но, очевидно, что в не меньшей степени, чем Вампилов живописал своих персонажей, они влияли и на него: заставляя меняться не зримым образом: о чём мы уже вряд ли узнаем.

Вечер весны холоден, что неприятно уже само по себе – от этого периода времени ждёшь другого; в кафе познакомившиеся Бусыгин и Сильва провожают домой подруг, рассчитывая на продолжение отношений, однако, точно подтверждая неуют весеннего вечера, судьба распоряжается иначе.

Всё обыденно: люди, обстоятельства, железнодорожная платформа.

Всё подчёркнуто заурядно.

Но вдруг выламывается из этой повседневности вектор, уводящий к выявлению душ героев – через напряжение чувств, обман, становящийся – отчасти – роковым...

Уж очень хочется простоватому, доброму Сарафанову поверить в наличие у него старшего сына; это же радость радостей!

Об этом поэмы писать!

А ведь дом Сарафанова разваливался, ведь мир, который был вынесен в черновое название пьесы, был так хрупок...

И вот... в общем-то проходимец Бусыгин становится чуть ли не опорой и надеждой!

Тут сама идея «старшего сына» спасительна, тут нельзя медлить, только верить...

Реплики, характеризующие персонажей точно и ёмко, будто и анализируют их.

Пожилой музыкант, блаженный неудачник вмещает лучшие человеческие чувства, дыша чуть ли не детской чистотой – а её так не хватает миру: никакому, как бы ни устраивали социум...

Не сын становится сыном. Нечто выравнивается. Конфликты ослабевают.

...больно изломистыми, часто с заострёнными краями тропами выводил А. Вампилов к катарсису: ведь без того пьеса – просто набор фраз, хоть и связанных сюжетом...

Но к свету выводил всегда.

3

Впереди утиная охота...

Шутка шутке рознь, и мальчик, появившийся в квартире Зилова с похоронным венком, на лентах которого значатся его имя и фамилия, не в курсе ритмов розыгрыша.

Сны во многом определяют реальность, причудливо искажая, не то дополняя её (не даром «Бег» Булгакова вместо действий оперирует именно снами), и Зилов, воображая себя умершим, подчинён сновидческой стихии больше, чем реальности.

Небрежность, скука, уверенность в своих силах причудливо мешаются в Зилове, организуя орнамент его личности; решая вместо статьи сдать проект реконструкции завода, пылящийся второй год, Зилов одновременно получает письмо от отца, в котором тот сообщает о скорой своей смерти: но Зилов отмахивается – мол, пишет не первый раз.

И – впереди утиная охота...

Она всегда впереди. У всех, ибо всё чего-то ожидают, ибо человек не может, не умеет не гнать время, ибо, оказавшись в пункте ожидания, получает новую порцию разочарований.

В общем, «Утиная охота» Вампилова достаточно безнадёжна, чтобы позволить светиться розовым шарам оптимизма.

Конечно, принесут телеграмму: отец умер.

Конечно, будут сборы и суеты, не венчающиеся ничем – ведь впереди утиная охота.

Она впереди у всех: мужественная игра, или щемящее приключение, нечто, бушующее радостью, или искривляющее состав дней.

Когда друзья, позванные Зиловым, приходят в кафе «Незабудка» (название вполне символично: большую часть своей жизни не следует забывать, хотя хочется), Зилов уже пьян.

Он начинает бушевать, разоблачая гостей, цепляясь к ним.

Он нехорош.

Не приятен.

Вместе – он не положительный и не отрицательный: он своеобразный... разорванный персонаж: веско подходящий к нашему времени, когда пятидесятилетние и старше люди,

прожив изрядный кусок жизни в СССР, оказывались в каком-то фантазмагорическом, непонятном мире.

Но Зилов целиком из советского времени.

Звучат реплики, хлещут, играют, сталкиваются.

Впереди – утиная охота...

4

Он победил в борьбе с волокнами волн; он выжил, чтобы создавать пьесы – с характерами ещё более глубокими, и ситуациями, какие ещё сильнее просвечивают характеры суммами характеристик...

Зилов – но осветлённый: Зилов, несущий в себе черты и чеховских героев и Достоевских, становится страдальцем, выходит на новые рубежи осознания яви...

Или нет: Вампилов пишет пьесу, где не нужны страдания, ибо все чисты и без этого: настолько, что суммы сияний исходят от персонажей.

Нет, он утонул.

Так было – и отрицать факт столь же бесплодно, сколь нелепо отдаваться игре фантазий.

От Островского или Булгакова-драматурга ничего не найти.

«Прошлым летом в Чулимске», таёжный райцентр, узел любовных отношений.

Натянутые нити вибрируют: окатывая определёнными волнами зрителей.

Туго даётся жизнь.

Она туго даётся всем персонажам Вампилова: страдающим и радующимся, грустящим и теряющим себя...

И гроздь их, персонажей, сделана столь значительно, что мелодии нежности продолжают звучать, вливаясь в сердца зрителей новых поколений.